

БОМБЫ

Источник: Воронский "Избранное", из-во "Художественная литература", М. 1976

Лес нерушимо хранил их тайну: они делали бомбы - Наташа и Анарх. Наташе исполнилось семнадцать лет, Анарх был на три года старше ее. У Наташи волосы рассыпались темными охапками, и ни гребенки, ни шпильки не могли с ними справиться. У Анарха волосы никак не рассыпались, а торчали коротким ежиком. К тому же он голову часто стриг, и тогда только отдельные, редкие кусты, второпях и по небрежности оставленные парикмахером, напоминали, что и Анарх не лишен растительности. Цвет этой растительности был неважный: не то русый, не то грязновато-соломенный. Наташа смотрела на мир преданными, любознательными глазами, и даже, когда Анарх обличал вселенную в подвохах и несправедливости, Наташа тщетно старалась потушить блеск своего взгляда и придать ему хотя бы самую малую скорбность. Во взгляде Анарха таились угрюмость и неприятие мира. Свойства эти скрывались молодостью, добротой, но в самом же деле Анарх смотрел исподлобья, хмурил брови и щипал их как бы даже с ожесточением. Брови эти, белесые, возникнув на почтительном расстоянии от переносицы, скромно пропадали, не возбуждая внимания. Брови Наташи, точно расписанные углем, уверенно бежали к ушам, да, да, к ушам, заставляя не одного молодца думать: "Ну и девка!" Лицо Наташи цвело тончайшим и благородным румянцем. Лицо Анарха никак не цвело, оно отдавало бледностью и желтоватыми пятнами. Нос Наташи утверждал себя в прямых, тонких и мягких линиях. Нос Анарха расплывался. Наташа говорила звучно, часто смеялась, пела песни. Анарх говорил мало, говорил хрипло, а подтягивая хор, путал себя и других и радости никому не приносил. Грудь Анарх имел скорее впалую, в то время как Наташа продолжала пересаживать пуговицы на лифчиках, делая это в скрытности. Анарх дышал больше животом, он, живот, и к пятидесяти годам вполне благополучной жизни не обещал весомости. Наташа дышала той самой грудью, для которой пересаживались пуговицы и спешно кроились новые лифчики, живот ее незначительно, но твердо округлялся. Анарх любил теорию, любил философию и психологию, тратил на книги последние заветные полтинники. Наташу философия не соблазняла, заветные полтинники она тратила на молоко, яйца, крупу и прочую докучную и презренную мелочь, дабы Анарх от рассеянности и углубленного восприятия космоса не оборвался до нитки и не помер бы с голоду. Жилось им все же нелегко, и нередко Наташа, глядя на Шопенгауэра, на Маркса и на Канта, вздыхала и про себя жалела, что их бесполезно поджаривать на сковородке, тушить и сдабривать приправой, в чем она, однако, никогда и ни за что не призналась бы непреклонному Анарху. Такие преступные и необыкновенные мысли посещали Наташу в моменты малодушия, когда исправником долго не выдавалось кормовых и одежных денег. Забыл с самого начала упомянуть, что и Анарх и Наташа жили в ссылке. Повстречались они в пересыльной тюрьме, в тюрьме и возникла их дружба. Не случись этой встречи в доме заключения, никогда, разумеется, скромные и тяжкие на подъем граждане города Яренска не видели бы этих опасных и решительных заговорщиков, шествующих с таинственным видом по болотистым и кочковатым улицам, числом не больше трех.

Почему друга Наташи называли Анархом? Скажем для успокоения, - по недоразумению. Сам себя Анарх считал большевиком, но прислушивался к революционным синдикалистам, впрочем, довольно умеренно и осторожно. За это некоторое его пристрастие ему и навязали кличку Анарха; против нее он сперва с горечью возражал и даже грозил кой-кому суковатой дубиной, выломанной им в таежных лесах края, но затем настолько смирился, что покорно даже отзывался на эту кличку.

Наташа считала себя социал-демократкой, не разбираясь в толках и направлениях, верила, однако, в террор, преклонялась пред Марией Спиридоновой и каждый раз про марксизм забывала, если какой-нибудь высокопревосходительство наглядно и на опыте доказывал бренность человеческого существования даже и на высоких постах и ту бесспорную истину, что людей подстерегают превратности и неожиданности. Не пренебрегала Наташа даже исправниками и урядниками, полагая, что чем их меньше, тем лучше. Наташа жила в городе, снимая угол за два рубля в месяц. Анарх выбрал себе комнату в деревне из пяти дворов, в полутора верстах от города. Деревенька хоронилась в лесу, уходившем в необъятность. Анарх предпочитал уединение и неторопливую тишину. Все же к обеду он все чаще и чаще отрывался от книг и начинал посматривать в окно, затянутое марлей от комаров. Предчувствие оправдывалось: на мостках через речонку Кижмолу показывалась темнокудрая Наташа. В руке она держала обычно учебники и узелок. Пока она неуверенно ступала по шатким и узким доскам, держась за тонкие жердины перил, Анарх поспешно обдергивал косоворотку, приглаживал волосы, если